

КАЗКИ

Для малых детей.

КАЗКИ ЯКОВА ГРИММА.

JOHN KORMAN
BOOK STORE
BRADDOCK AVE
BRADDOCK, PA.

КАЗКИ ДЛѢ МАЛЫХ ДѢТЕЙ.

ЯКОВ ГРИММ:

КОРОЛЕВА-УТКА.

ДѢВЧИНКА-ЧЕРВЕНА ШАПОЧКА
И ВОВК-НЕНАЖОРА.

УЖГОРОД 1922.

Выдавництво тов. Просвѣта в Ужгородѣ.

Státní tiskárna v Užhorodě 1922-1770.

Яков Грiмм:

Дѣвчинка-червена шапочка и вовк-ненажора.

Жила собѣ раз дѣвчинка. Она была дуже красна и чемяна и за то ю дуже любили. Особливо любила ю старенька бабуся. Она не знала

вже яки дарунки їй давати и подаровала їй раз червену шапочку. Дївчинцѣ было в той шапочцѣ дуже до лица, бабуся дуже радовала ся тым и приголубила дївчинку до себе, поцѣловала и сказала: „Ой ты, ты, моя червена шапочко!“

И од тоѣ поры дївчинка звалася червеною шапочкою.

Одного дня прикликала мати червену шапочку до себе, дала їй фляшку вина, бѣлый колачик и казала однести бабусѣ, бо лежала недужа и потребовала вина и свѣжого колачика. „А лиш на пути не задержуйся и не гуляй, абись фляшки с вином не розбила. А як прийдеш до бабусѣ, то застукай до дверей и скажи: добрый день, дорога бабусю; як ся маєте? як ваше здоровля? — Розумѣеш?“

„Розумѣю, розумѣю, матусю“ — одповѣла червена шапочка и пошла.

А бабуся жила далеко за селом у лѣсѣ. Треба было ити дуже довго. Пошла червена шапочка, зайшла у лѣс, а там выйшов вовк. Она не знала, что то небобрый звѣрь и не утѣкла од него.

Вовк каже до неѣ: „Добрый день тобѣ, червена шапочко!“

А она одповѣла: „Добрый день и вам, вовку.“

„А куда вы так раненько?“

„До бабусѣ, вовче!“

„А что несеш в кошарику?“

Фляшку вина и свѣженькій колачик. Бабуся нездужають, так мати передала для них, абы покрѣпилися“.

„А де жие твоя бабуся?“

„У лѣсѣ межи трема дубами стоит хижа, а за хижою растуть орѣхи. Ты вже знаеш де“.

Вовк подумав собѣ: тота дѣвчинка, то буде для мене добра страва, ще лѣпша, як бабуся. Але треба розумно братися до дѣла, абы их обоих достати.“

Часочок ишов спокійно разом из дѣвчинкою а дале каже:

„Червона шапочко, дивися, яки красни косицѣ довокола. Ты их гей бы и не видиш. И гей бы и не чуеш, як красно пташки спѣвають. Идеш гей бы у школу. А в лѣсѣ так весело.“

Червена шапочка подивилася и увидѣла доокола красни квѣтки и свѣжу траву и сонце, як оно крѣзь листки кидало золоти перстенцѣ на землю. Она подумала собѣ: Я нарву красных косицѣ, принесу бабусѣ и бабуся дуже утѣшитися ними. Часу маю богато, до полудня еще да-

леко. И зойшла из пѣшника в бѣк и найшла одну косицю, другу, третю, а чим дальше ишла, тым бѣльше было квѣток.

Так зайшла она гень там далеко у саму середину лѣса. А вовк тымчасом побѣг до бабусѣ, застукав до дверей, а бабуся звѣдае: „Кто там?“

„Червена шапочка — одповѣв вовк солоденько — несу тобѣ винця и свѣжій колачик. Одчини менѣ, бабусю“.

А бабуся каже: „Не здужаю встати, попри добре двери колѣном, то они одчиняться“.

Вовк ударив головою у двери, двери одчинилися и ђн зайшов у хижу. Не думаючи много скочив у постелю и зѣв бабусю.

А тогды надѣв на себе еѣ одежу, взяв на голову бѣлый чепак, лѣг у постелю а ще и парною накрывся.

А червена шапочка збирала косицѣ у лѣсѣ. Як назбирала их повни жменѣ, нагадала собѣ хвору бабусю и побѣгла до неѣ. Як прийшла ид хижи, здивовалася дуже, что двери стояли отворени.

„Господи, менѣ так страшно ити до хижѣ!“ — подумала собѣ.

Увойшла, поздоровила бабусю и приступила до еѣ постелѣ. Бабуся лежала нѡд парною, а бѣлый чепак изсунувся аж на нѡс, тѡлько уха было видно.

„Бабуню, бабуню, а чого то у тебе таки довги уха?“ — звѣдуеся червена шапочка бабусѣ.

„Абым тебе лѣпше чула, дѣтинко“.

„А чого у тебе таки велики очи?“

„Абым лѣпше видѣла тебе?“

„А чого у тебе, бабусю, таки велики руки?“

„Абым легче могла тебе поймати“.

„А чого у тебе такій великій рот?“

„Абы скорше тебе зѣсти“.

А за сим словом вовк выскочив из постелѣ и проковтнув червену шапочку.

Попоѣвши добрѣ, он знов лѣг у постелю, захропѣв на цѣлу хижу, онь окна задзвонили.

Пиля хижѣ ишов стрѣлецъ. Он почув сесе храплѣня и подумав собѣ: „треба поступити у хижу, бо чогось стара бабуся дуже хропить. Ци не сталося с нею чось недобре“.

Зайшов он у хижу, приступив до бабуся и каже:

„Дай Боже здоровья бабусяю! А чого вы хропите на увесь лѣс. Всѣ звѣри поугѣкають менѣ“.

Але бабуся не одповѣла нѣчого, тѣлько вовк вылупив на него свои перелякани очи.

„Ах ты старый грѣшнику! — Крикнув на него стрѣлецъ. — Та я аж тут тебе найшов, ты недобра звѣрюко“.

И хотѣв его застрѣлити, але пригадав собѣ, что вовк муств зѣсти стару бабусяю и куля могла бы еѣ зачепити. Длятого не стрѣляв вовка, лиш выняв из кишенѣ великого ножа, розпоров ему черево и на превелике свое диво выняв из середины червену шапочку. А коли ще глубше сягнув, тѣ и стара бабуся выставила свою перелякану голову.

Червена шапочка сказала: „О пречиста! Як я перелякалася, сердце менѣ мало з грудей не выскочить. Гу, як там черно и погано в тѣм вовчѣм черевѣ!“

А сказавши то побѣгла, принесла даскѣлько каменюк и вложила их у черево вовкови. А тогды иглою и ниткою черево красно изшила, гей бы яку подерту рукавицу.

А коли вовк прийшов до себе, почав утѣкати. Але не годен був далеко бѣчи, бо камѣня было тяжке, упав и забився на смерть.

А теперь усѣ были ради и вдоволени. Стрѣлецъ зняв из вовка шкуру и понѣс ю домѣв, бабуся выпила вино и выздоровѣла а червена шапочка сказала собѣ: теперь я уже цѣлком не зайду у лѣс за косицями, а тѣльки буду слухати, что менѣ скаже моя добра мама.

Яков Грімм:

Королева-утка.

Быв де не був чоловік а ему умерла жона, и была собѣ жона а у неѣ умер чоловік. У того чоловіка-вдовця была одна донька — и жѣнка-вдовиця мала також доньку. Сироты дѣвчата познайомилися и ходили в лѣс бавитися. Раз они зайши до вдовиноѣ хижѣ. Вдовиця сказала тогда до вдовцевоѣ доньки: — „Чуеш дѣвочко! Скажи своему нянькови, что аж твоѣ нянько ожениться зо мною, то ты будеш у мене купатися кожного ранку в молоцѣ и будеш пити вино; моя-ж родна донька буде купатися лиш у водѣ и буде пити лиш воду.“

И пошла она до своего нянька и переповѣла ему, что од вдовы чула. Нянько на то сказав: — „Хиба-ж я знаю, что менѣ робити. И без жоны бѣда а из жоною клопот.“

Довго он думав а далѣ зняв чобѣт из лѣвоѣ ноги, дав его доньцѣ и каже: — „Иди повѣсь его на клинок та налий у него воды. У подошвѣ зробилася як видиш велика дѣра. Коли вода буде перетѣкати, то я не уженюся з вдовою, а як не буде — то уженюся.“

Послухала донька свого нянька, повѣсила чобѣт на клинок и налила у него воды. Но вода не вилилася а до того дѣру гей бы кто дратвою стягнув; до чиста засклепилася.

Прийшла донька до свого нянька и оповѣла, яке диво из чобѣтом сталося, что анѣ капля воды не перетекла. Пошов нянько поглядати и пересвѣдчився, что донька правду говорить.

Першого ранку послѣ божбы, як збудилися дѣвчата, то перед постелею вдовцевоѣ доньки стояло молоко и вино, а перед постелею удовиноѣ — сама вода.

Другого ранку перед обома стояло молоко и вино а на третій перед вдовцевою донькою стояла вода а перед вдовиценою молоко и вино.

И так вже было кожного ранку.

Вдовиця дуже не любила своѣ пасербицѣ, бо она была дуже гарна, як сонце, а еѣ родна донька была погана яко нѣч. А коли прийшла

зима и рѣка замерзла и всѣ дороги позаду гало снѣгом, мачоха ушла из папѣря одежу, прикликала пасербицю и каже до неѣ: — „Маеш кошарик, иди в лѣс и назбирай менѣ ягод, бо дуже менѣ их захотѣлося“.

„Боже ты мой! — каже дѣвчина — таж теперь зима, а в зимѣ ягод не е. Земля замерзла, усюды снѣг лежит, з ѓдки я вам принесу ягод? А до того як менѣ ити в паперовой одежи? — таж замерзну чисто!“

„Не говори богато“ — крикнула на ню мачоха — маеш ту кусок хлѣба и не показуйся менѣ на очи, поки не назбираеш повного кошарика ягод.“

Не было что сиротѣ робити, убрала на себе одежду, и взяла кошарик тай иде. А докола так бѣло — бѣло а, мороз трещить нѣгде анѣ травички, анѣ зеленого листочка не видко, а ягод вже и не казати.

Пришла она у лѣс, дивиться стоить хатка, а з неѣ вызирае трѣох карликѣв-малолюдкѣв. Поздоровила она их и застукала несмѣло у двери: — „Увойдѣть!“ — крикнули карлики и она войшла. Сѣла собѣ на лѣвку коло порога, абы загрѣтися трохи и попоѣсти.

„Дай и нам крушку хлѣба“ — кажутъ они.

Вломила сирота кришку хлѣба, дала им и сказала: — „Бжте здорови!“

„Спасибо тобѣ“ — одповѣли карлики.

Коли зѣли, зазвѣдали дѣвчинку: — „А чого ты прийшла у лѣс у такѣй тоненькой одежи и что ты глядаеш серед зимы?“

„Ах — одповѣла она — мене мачоха пѣслала по ягоды и сказала доти не приходити, поки повного кошарика не назбираю.“

„Ага — кажутъ они — то у тебе не е родноѣ матери а лиш мачоха! Маеш туй мѣтлу, промети нею снѣг од задних дверей.“

Взяла дѣвчина мѣтлу и пѣшла одметовати снѣг, а они тогды межи собою учинили раду, що им из сею сиротою робити. Она была така бѣдна, а из своим хлѣбом подѣлилася з нами.

Першій каже: — „Я еѣ таке зроблю, что она кождый день буде красша.“

Другій каже: — „Я еѣ таке зроблю, что еѣ золотовки из рота па-
дати будуть, як лиш слово промовить.“

Третій каже: — „А я еѣ таке починю, что сам король до неѣ приѣде и ожениться з нею.“

А дѣвчина за той час одмела красно снѣг од задних дверей а пѣд снѣгом найшла дуже богато ягод, а всѣ таки червени — червени, а солодки як мед.

Назбирала она повный кошарик, подяковала карликам, бѣжить домѣв, абы еше за дня прийти до хаты! — и ледви выповѣла слово а из рота покотилися на землю золотовки-червонцѣ.

Розказуе она, что было у лѣсѣ — а за каждым словом падутъ золотовки на землю так, что в хату встелили.

Дивиться удовиця и з дива не може выйти, а еѣ донька каже до неѣ: — „И я хочу ити у лѣс, и менѣ треба золотовок — конче треба конче треба!“

„Нѣ — каже до неѣ вдовиця — не пуцу я тебе. Там зимно, вѣтер холодный, ще де у снѣгу утопишся. Сиди лѣпше у хижи та чекай весны.“

Але дѣвчина все свое каже: „Пѣйду у лѣс, злотых-червенцѣв менѣ треба, треба, треба!“ — Така была уперта.

Видить удова, что из дѣвчиною не дасть собѣ рады, ушила ѣй тепленькѣй кожух, наготовила масла, сыра, ще и колачик спекла; — маеш, иди, каже.

Пѣшла она у лѣс, дивиться стоить хатка, из хатки вызирае трѣох карликѣв-малолюдкѣв. Не поздоровила их, не застукала у двери, а лиш ковтнула ногою, одгчинила, сѣла на лавѣ, выняла из кошарика масло, сыр, колачик и ѣсть.

А карлики-малолюдки до неѣ: — „Дай и нам трохи.“ — „Ого! У мене самоѣ не богато, як менѣ з другими дѣлитися?“

„То бери мѣтлу та промети нам стежку од задних дверей. — „Метѣть собѣ сами, я у вас не наймичка. Яки менѣ панове!“

Посидѣла она, дивиться, что карлики-малолюде ничего не говорятъ, встала и пѣшла.

А они тогды зробили межи собою раду, что им з тою дѣвчиною робити, что она така нечемна и такого недоброго сердця?

Першій каже: — „Я еѣ так дам, что она, кождый день то буде поганѣйша.“

Другій каже: — „Я еѣ так дам, что за кождым словом у неѣ з рота буде выскаковати жаба-ропуха.“

А третій каже: — „Я еѣ так дам, что она не своею смертію умре.“

А вдовина дочка за той час глядала по лѣсу ягод и нѣ одноѣ не найшла. А як утомилася, то пошла собѣ до дому. Прийшла и хотѣла своѣй матери розповѣсти, что видѣла у лѣсѣ. Та лиш сказала одно слово, а з рота выпала жаба-ропуха. Така велика погана, что онѣ дивитися гидко. Нападало их повна хата, аж кишить.

А тогды мачоха ще горше зненавидѣла свою пасербицю и лиш роздумовала, яку бы ѣй завдати тяжку роботу.

Взяла она баняк, нагрѣла воды и пере пряжу. Выпрала дасколько памотков, наклала сиротѣ на плечи, дала сокиру у руки и каже: — „Иди менѣ на рѣку, вырубай ополонку и выпери пряжу але так, абы была бѣла як снѣг и абы нитки не позамерзали в едно!“

Взяла сирота сокиру, иде. Стала посеред рѣчки, рубает ополонку, дивиться, ѣде король. Приѣхав, казав задержати конѣ и звѣдуеся: — „А чія ты, дѣвчино и что робиш теперь на рѣцѣ?“

„Я бѣдна сирота роблю то, что мачоха казала.“

Подивився король на ню а она така красна, як сонце и усмѣхнувся тай звѣдуе: — „А може бы ты поѣхала зо мною, у мѣй двѣр.“ Сѣла и поѣхала у королѣвскій двѣр. Там повѣнчались они и зажили собѣ гарно, як Бог приказав — а через рѣк вже у них и дѣтинка в колысцѣ была.

Почула мачоха, что еѣ пасербиця така щастлива, зобралася, ѣде; ще и свою погану доньку взяла з собою.

Прийшла, розгостилася, а в ночи, як усѣ у палатѣ поснули, вытягнула королеву з постѣль и кинула ю через окно у рѣку. А тогды поклала у постѣль королевоѣ свою препогану доньку и накрыла ею цѣлком з головою.

Приѣхав король, хоче привитатися из своєю женою, а стара ему каже: — „Лишѣть еѣ, лишѣть; она якась недужа, най нагрѣться пѣд периною.“

Приходить король другого ранку, дивиться — а в постели замѣсть его жены, красноѣ як сонце, лежить якась дѣвка, погана як нѣч, а крем того, коли говорить, то з рота жабы выскакують.

Дивується король, что такого сталося, а стара ему толкуе, что тото королевѣй так из хвороты сталося.

А в ночи, як кухар короля переходив понад рѣчку, vyplила качочка-уточка и пытається:

Королю, королю, скажи менѣ,

Чи спиш ты в комнатѣ, ци спиш, ци нѣт?

Кухарь не одповѣв нѣчого. А она тогды знов:

А гостѣ? Вернули вже мабуть!

А кухарь знову: *У твоих комнатах здорово храпуть.*

А качочка тогды: *Что робить дѣтина? Здорова она?*

А кухарь каже: *Гойдае дѣтинку колыска нова.*

И зробилася з качечки королева и побѣгла в палату, поправила дѣтинцѣ подушочку в колысцѣ, абы ѣй было добре и мягко спати, накормила, нагодовала и вернулася у рѣчку и опята як качочка плавала собѣ по водѣ. А другоѣ нѣчки так само, а на третю, як она од дѣтинки верталася, стрѣнув ю кухарь на сходах. Каже она до него: — „Пѣйди до короля а скажи ему, абы ѣн узав меч и тричи ним перехрестив мене на порозѣ.“

Побѣг кухарь до короля. Король зорвався з постелѣ, взяв меч, выбѣг на сходы, дивиться, стоить чтось бѣлое, гей бы его жона, гей бы якась тѣнь. И пѣдняв ѣн у гору меч, и над ею головою у воздухѣ зробив тричи знак святого хреста. И ожила королева и стала такою, як перше была, гарною, красною, гей сонце и веселою, гей пташка у лузѣ.

И урадовався король, але не пустив ю у палату, лиш замкнув у коморѣ, аж до недѣлѣ, поки не охрестили дѣтинки.

А по хрестинах пытається король мачохи: — „Что варта такій чоловѣк, як свого ближнього у рѣчку кине?“

А мачоха ему одповѣла: — „Варта, абы и з ним то саме зробили.“

А король тогды сказав: — „Так ты сама на себе присуд учинила.“ И казав ю всадити у велику бочку разом з поганою донькою, бочку заднити и пустити з горы у рѣчку.

И покотилася бочка з горы, а як у рѣчку упала, то так за нею зашипѣло и засычало, гей бы там гадины кусалися.

А король з королевою жили собѣ щастливо та весело и тѣшилися своєю дѣтинкою, хлопчиком, что був такій гарный и добрый, яко его мати, а скорый и смѣлый як его нянько.

STÁTNÍ TISKÁRNA V UŽHORODĚ 1922—1770.